

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА ВЫСШЕГО АРБИТРАЖНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По спорам в сфере налоговых, таможенных и иных административных правоотношений	5
По спорам о праве собственности (вещные права); по поводу сделок приватизации	35
По спорам об исполнении договоров о передаче имущества	35
По спорам об исполнении денежных обязательств; о ценных бумагах	35
По спорам о применении мер ответственности (убытков, неустойки, процентов)	44
По спорам о признании сделок недействительными, применении последствий недействительности ничтожных сделок	50
По спорам о признании недействительными актов государственных органов или органов местного самоуправления	55
По спорам в сфере земельных правоотношений	59
По спорам об исключительных правах (интеллектуальной собственности)	62
О нарушении процессуальных норм; об уплате государственной пошлины; о заключении мирового соглашения	66

СУДЕБНО-АРБИТРАЖНАЯ ПРАКТИКА И ИНФОРМАЦИЯ

Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов (<i>информационное письмо от 22.12.05 № 96</i>)	74
Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с заключением, утверждением и расторжением мировых соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве) (<i>информационное письмо от 20.12.05 № 97</i>)	111
Обзор практики разрешения арбитражными судами дел, связанных с применением отдельных положений главы 25 Налогового кодекса Российской Федерации (<i>информационное письмо от 22.12.05 № 98</i>)	126
Об отдельных вопросах практики применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (<i>информационное письмо от 22.12.05 № 99</i>)	142

ОБ ОСПАРИВАНИИ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА

Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 18.10.05 по делу № Ф09-3408/05-С5	151
Решение Арбитражного суда Читинской области от 14.07.04 по делу № А78-3567/2004с2-19/4	154

Решение Арбитражного суда Тюменской области от 02.08.04 по делу № А-70-2921/25-2004	169
Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 31.08.04 по делу № А45-11336/04-СА43/426	173
Решение Арбитражного суда Белгородской области от 15.10.04 по делу № А08-7728/04-23	179
Определение Арбитражного суда Пензенской области от 20.10.04 по делу № А49-8/04-9на/11	183
Определение Арбитражного суда Пензенской области от 20.10.04 по делу № А49-9/04-10на/11	184

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Возмещение вреда, причиненного в ходе конкуренции: вопросы частного права (*окончание*).

А.Ю. Иванов 187

Об определениях арбитражного суда (их обжаловании, вступлении в законную силу и приобретаемых свойствах).

М.А. Рожкова 204

В КАРТОТЕКУ ЮРИСТА

218

кой Федера-
ции, право-
дарственной
гов Россий-
ть обжало-

оне арбит-
ривать та-
кном суде.
1 ст. 150,
оссийской

ак дело

Пензы
00 руб.
ли срок
га.

зь
за
та

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В ХОДЕ КОНКУРЕНЦИИ: ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА¹

Проблемы установления причинной связи, вины субъекта ответственности

При рассмотрении требований о возмещении вреда, причиненного вредоносной противоправной деятельностью в ходе конкуренции, суды сталкиваются с рядом проблем, связанных с применением таких условий генеральной деликтной ответственности, как причинная связь между указанной деятельностью и причиненным вредом и виновность поведения причинителя вреда. Эти проблемы касаются преимущественно антиконкурентного поведения. Остановимся на них.

Антиконкурентное поведение – это поведение, искажающее общие условия рынка. То есть в результате такого поведения все участники экономической деятельности на определенном товарном рынке (рынке финансовых услуг) оказываются в иных условиях.

Исходя из этого, можно выделить два вида вреда, причиняемого антиконкурентным поведением:

1) вред, непосредственно вызванный антиконкурентным поведением для определенного участника рынка (например, создание дискриминационных условий для определенного

участника рынка доминирующим хозяйствующим субъектом и др.);

2) вред, причиненный опосредованно искажением рыночной среды (например, монополистическим повышением цен и т.д.).

Последний случай, на наш взгляд, представляет особый интерес. Изменение рыночных условий, то есть общих условий обращения товара (услуги) на рынке, может иметь влияние, во-первых, на неограниченный круг лиц, а во-вторых, в течение неопределенного периода времени.

Интересно отметить, что возмещение вреда, опосредованного изменением среды, является уже известным институтом в российском праве в сфере ответственности за загрязнение окружающей природной среды. М.М. Бринчук пишет: “Под экологическим вредом понимается любое ухудшение состояния окружающей среды, произошедшее вследствие нарушения правовых экологических требований. Он прежде всего проявляется в форме загрязнения окружающей среды, порчи, уничтожения, повреждения, истощения природных ресурсов, разрушения экологических систем. Вследствие названных форм деградации природы может быть причи-

¹ Окончание. Начало в № 2 за 2006 год, с. 142–161.

нен вред здоровью и имуществу граждан и юридических лиц. Такой вред называется экогенным².

Право на благоприятную окружающую среду – "одно из фундаментальных и всеобъемлющих субъективных прав человека и гражданина"³. Очевидно, что право на благоприятную природную среду и право на благоприятную рыночную среду "генетически" взаимосвязаны. Оба гарантируют человека от опасности оказаться в ситуации подавления его физической и социальной свободы. Сближающей характеристикой конкурентного и экологического права также является то, что как конкурентная борьба, так и природопользование в любой форме являются вредоносными, но и в том и в другом случае устанавливаются критерии, при наличии которых среда признается искаженной, более не благоприятной, а поведение, приводящее к такому результату, противоправным.

Признание правом обязанности лица, искажающего окружающую среду, компенсировать ущерб, причиненный вследствие этого всем ее обитателям, то есть неопределенному кругу лиц, требует *адекватных процессуальных мер защиты*. В частности, крайне необходимым для эффективного применения данного института является включение в правопорядок конструкции группового иска (class action), известного многим развитым правопорядкам и получившего особенно активное развитие в США⁴.

Причинение вреда искажением среды ставит перед правоприменителем вопросы установления причинно-следственной связи между поведением конкретного лица, искажающим рыночную среду, и вредоносными последствиями, наступившими в хозяйстве конкретного участника оборота, связанного с первым конкурентными отношениями. Не вступая в философскую дискуссию по вопросу о критериях оценки причинно-следственных зависимостей между различными существенными явлениями, можно тем не менее уверенно сказать, что для большинства правоприменителей будет неоспорен вывод о том, что между поведением лица, искажающим рыночную среду, и возникшим в результате убытком в хозяйстве его конкурентов есть четкая причинно-следственная связь, поскольку почти в любой ситуации можно констатировать наличие дополнительных факторов (иногда и объективного характера), связанных также причинно-следственной зависимостью с произошедшим искажением рыночной среды.

Соответственно, в целях последовательного утверждения в российском законодательстве о защите конкуренции механизма, обеспечивающего эффективное противодействие антиконкурентному поведению, необходимо позитивное урегулирование данного вопроса. В законе следует закрепить положение, указывающее на возможность истребования возмещения вреда, причиненного искаже-

² Бринчук М.М. Экологическое право: Учеб. М., 2004. С. 376.

³ Там же. С. 123.

⁴ Симптоматично, что в связи с выстраиванием в Великобритании эффективного частногоправового механизма защиты конкуренции после принятия в 1998 году нового английского закона о конкуренции (Competition Act 1998) Правительство Королевства провело и реформу английского процессуального законодательства, в рамках которой создана возможность эффективного использования института "группового иска" (group litigation order), аналога американского "class action" (см.: Civil Procedure Rules, rules 19.10–15 (положения действуют со 2 мая 2002 г.).

кением
имени-
я при-
между
да, ис-
и вре-
насту-
тного
юше-
скую
эриях
х за-
сущ-
тем
что
елей
что
аю-
шим
тве
ри-
ль-
ни-
ж-
ж-
и-
и-
э-
э-
(-
-
-
/

нием рыночной среды, у лица, чьи действия существенным образом повлияли на возникновение такого искажения, без доказывания исключительности (необходимости) таких действий для искажения среды, исходя лишь из того, что такие антиконкурентные действия были существенным условием искажения среды, пусть и не единственным. Норма подобного содержания позволит снять возражения действующего антиконкурентно участника оборота о том, что искажение среды произошло не только по причине его антиконкурентного поведения, но и в силу иных обстоятельств. Очевидно, что подобного рода презумпция причинно-следственной зависимости искажения рыночной среды от антиконкурентного поведения является формой ограничения прав участников оборота, действующих антиконкурентно, в пользу прочих участников оборота, страдающих от искажения рыночной среды. Но такое ограничение скорее обеспечивает баланс интересов участников рынка, позволяет более эффективно применять деликтную ответственность за антиконкурентное поведение, гармонизирует рынок, нежели нарушает нормальный ход рыночных отношений. Опасения антиконкурентно действующего участника оборота по поводу того, что ему могут быть предъявлены иски неограниченным числом участников оборота, пострадавших от возникших в рыночной среде искажений, дополнительно эффективно стимулируют его прекратить антиконкурентное поведение.

Понимание природы антиконкурентного поведения как деятельности, искажающей среду, заставляет задуматься над тем, что заинтересованный в том или ином изменении среды участник рынка может действовать совместно с другими лицами либо действовать не напрямую, а используя созданное специально для этих целей юридическое лицо. Как отмечается в литературе экологического права, «объективно существующая трудность состоит в том, что наступление негативных для окружающей среды последствий часто является результатом деятельности ряда лиц»⁵. Соответственно, несколько хозяйствующих субъектов могут действовать координированно, искажая конкурентные условия экономического оборота, при том, что выгоду от такого искажения рыночной среды может получать лишь один из них, являющийся бенефициаром антиконкурентно действующей группы.

Российское право располагает двумя инструментами для возможного реагирования на указанные действия: 1) институтом группы лиц и 2) механизмом солидарной ответственности за совместное причинение вреда.

Правовая категория «группа лиц» зафиксирована в Законе о конкуренции. Ее значение довольно стереотипно определяется в доктрине: «группа лиц – это совокупный хозяйствующий субъект»⁶, «группа с точки зрения антимонопольного законодательства рассматривается как единый хозяйствующий субъект»⁷, «российское антимонопольное законодательство рассматривает»

⁵ Эффективность юридической ответственности в охране окружающей среды / Отв. ред. О.С. Колбасов, Н.И. Краснов. М.: Наука, 1985. С. 37.

⁶ Клейн Н., Орловский Ю. Применение законодательства о конкуренции и об акционерных обществах // Право и экономика. 2002. № 2. С. 79.

⁷ Тотьев К.Ю. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции и монополий): Учеб. для вузов. М., 2003. С. 212.

ет группу лиц в качестве самостоятельного и единого хозяйствующего субъекта"⁸. Закон о конкуренции содержит норму, согласно которой положения этого Закона, относящиеся к хозяйствующему субъекту, распространяются на группу лиц (ст. 4).

Отталкиваясь от этой нормы, ряд авторов обосновывают правосубъектность группы лиц (правда, как правило, она обозначается как "частичная")⁹. Этот тезис является отправной точкой для тех исследователей, которые предлагают выделить в российском праве в качестве самостоятельного субъекта права некое "предпринимательское объединение"¹⁰.

В ряде статей Закона о конкуренции понятие "группа лиц" используется в качестве расшифровки понятия "хозяйствующий субъект". Например: "запрещаются действия (бездействие) хозяйствующего субъекта (группы лиц)" (ст. 5); "приобретение лицом (группой лиц)" (ст. 18) и др.

В некоторых статьях Закона в очень схожих случаях (описание запрещенного поведения) используются только термины "хозяйствующий субъект", "лицо", "коммерческая организация", "некоммерческая организация" без добавления в скобках слов "группа лиц". Напри-

мер, в статье 6 говорится: "осуществление согласованных действий хозяйствующими субъектами", "заключение хозяйствующими субъектами" и т.д. Аналогичные формулировки используются в статьях 10, 17 и др.

В статье 18 Закона о конкуренции, кроме того, содержится положение, в котором группа лиц противопоставляется хозяйствующему субъекту: "группа лиц, контролирующая деятельность указанного хозяйствующего субъекта" (абз. первый п. 2). Это, на наш взгляд, один из примеров недостатков юридической техники данной редакции Закона, поскольку если группа лиц контролирует хозяйствующий субъект, то такой хозяйствующий субъект входит в состав этой группы лиц.

В доктрине весьма распространено утверждение, что понятие группы лиц "применимо прежде всего при рассмотрении вопросов определения доминирующего положения на рынке и включения в реестр хозяйствующих субъектов, имеющих на рынке определенного товара долю более 35 %, а также при рассмотрении антимонопольными органами ходатайств и уведомлений, предусмотренных ст. 17 и ст. 18 Закона о конкуренции"¹¹. По нашему мнению, указанные случаи должны были бы быть единственной сферой

⁸ *Портной К.* Правовое положение холдингов в России: Науч.-практ. пособие. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 15.

⁹ См., напр.: *Предпринимательское (хозяйственное) право*. Т. 1 / Под ред. *О.М.Олейник*, М., 1999. С. 267; *Шиткина И.С.* Объединения предпринимателей: ассоциации, холдинги, финансово-промышленные группы, простое товарищество: Науч.-практ. пособие // СПС "Гарант-Максимум"; *Она же.* Закон о холдингах: каким ему быть? // *Хозяйство и право*. 2000. № 11. С. 14.

¹⁰ См. об этом: *Звездина Т.М.* Правовое положение дочерних и зависимых хозяйственных обществ: Дис. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2003. С. 49; *Липтев В.В.* Предпринимательское право. Понятие и субъекты. М., 1997. С. 127; *Портной К.Я.* Правовое положение холдингов в России: Автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2003. С. 6-9; *Мармазова С.И.* Гражданско-правовые проблемы управления холдингом: Автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2003. С. 8-9; *Салифонов А.А.* Правовой статус объединений предприятий в промышленности РФ: Автореф. дис. ... к.ю.н. СПб., 2002. С. 6-8 и след.; *Плинт Я.В.* Правовое обслуживание предпринимательских объединений в России и за рубежом: Автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2000. С. 10, и др.

¹¹ *Клейн Н., Орловский Ю.* Указ. соч. С. 79.

я: "осуше-
действий
ами", "за-
и субъек-
формули-
ях 10, 17

онкurreн-
ся поло-
ц проти-
ующему
ролиру-
ого хо-
из. пер-
ц, один
идиче-
Зако-
ц кон-
ъект,
ъект
щ.
ране-
груп-
исего
еде-
ния
хоч-
щих
до-
мо-
за-
ед-
на
е-
л-
й

с

применения предусмотренного Законом о конкуренции понятия группы лиц. Однако в настоящее время прямых оснований для такого вывода в действующем законодательстве нет.

Понятие группы лиц имеет отношение и к сфере гражданско-правовой ответственности за антиконкурентное поведение. Это влечет за собой значительные проблемы по следующим причинам.

Как было отмечено выше, принципы юридической ответственности как общеправовой категории распространяются на институт обязательств из причинения вреда. Значит, ответственность за антиконкурентное поведение должна применяться с учетом принципов "справедливости, равенства, соразмерности, законности, вины, гуманизма"¹².

Относительно значения и содержания принципа вины Конституционный Суд Российской Федерации высказался следующим образом: "Наличие вины – общий и общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т. е. закреплено непосредственно. Исходя из этого в гражданском законодательстве предусмотрены субъективные осно-

вания ответственности за причиненный вред, а для случаев, когда таким основанием является вина, решен вопрос о бремени ее доказывания"¹³.

Принцип справедливости применительно к возложению юридической ответственности Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал в своем постановлении от 25.04.2000 № 7-П¹⁴. Суть этой формулировки в том, что как нарушение принципа справедливости юридической ответственности будет рассматриваться возложение федеральным законодателем ответственности за правонарушение на лиц, его не совершавших.

Соответствуют ли нормы о группе лиц в совокупности с положениями о юридической ответственности за антиконкурентное поведение указанным принципам? Возьмем самый простой пример – братья. Два брата, осуществляющих предпринимательскую деятельность как физические лица, образуют группу лиц в соответствии с Законом о конкуренции. Предположим, что один из братьев занимает доминирующее положение на рынке определенного товара, а другой брат к этому рынку не имеет никакого отношения – он занимается предпринимательской деятельностью в другой географической части страны и в совершен-

¹² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.02.03 № 1-П "По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 130 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Л. Верещака, В.М. Гладкова, И.В. Гольшева и К.П. Данилова".

¹³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.01.01 № 1-П "По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова".

¹⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.2000 № 7-П "По делу о проверке конституционности положения пункта 11 статьи 51 Федерального закона от 24 июня 1999 года "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации". В рассмотренном конкретном случае отказ в регистрации избирательного списка кандидатов или отмена регистрации в случае выбытия одного или более кандидатов, занимавших первые три места в общефедеральной части федерального списка, были признаны неконституционными.

но иной сфере материального производства. Брат, доминирующий на рынке, злоупотребляет своим положением, чем причиняет убытки прочим участникам рынка. Могут ли пострадавшие лица обратиться с требованиями о возмещении вреда не к непосредственному причинителю, а к "группе лиц"? На наш взгляд, положительный ответ на этот вопрос вступает в противоречие с комплексом указанных правовых принципов, и в особенности с принципом виновной ответственности.

Два физических лица не могут составить никакого нового самостоятельного субъекта права. Юридические лица, организованные по модели "союза лиц", тем не менее представляют собой идеальные явления, имеющие самостоятельное бытие именно как фикции, возникающие из договорных отношений между учредителями. Квалификация же нескольких граждан в качестве самостоятельного единого субъекта права, возникающего по факту их родственных отношений, – на наш взгляд, грубое и ничему не соразмерное умаление правоспособности каждого из них, индивидуальности их личности.

Если отбросить идею правосубъектного свойства группы лиц, то ко второму брату, как самостоятельному субъекту права, требование о возмещении вреда, причиненного антиконкурентным поведением его брата, направлено быть не должно. Поведение второго брата никак не связано с ущербом от антиконкурентного поведения (противоречие с принципом справедливости, с требованием наличия причинно-следственной связи между противоправ-

ным поведением и вредом), кроме того, он не имел ровно никакого субъективного отношения к возникшему вреду и деятельности причинителя (нет субъективного основания ответственности – противоречие с принципом вины). Если попытаться обосновать ответственность второго брата на началах безвиновной ответственности, это создаст значительные трудности. При всем кажущемся радикализме институт безвиновной ответственности также основывается на определенных критериях субъективного отношения деликвента к причинившему вред деянию и его последствиям. В.М. Болдинов справедливо отмечает, что "при рассмотрении судом дел о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности (наиболее отстаиваемый в доктрине и один из наиболее явных случаев ответственности "без вины". – А.И.), неизбежно сравнение фактического поведения владельца источника с тем поведением, которое общество (закон) ожидает (требует) от законопослушного гражданина в аналогичных условиях"¹⁵. Иначе говоря, всегда есть некое отношение деликвента к причиненному вреду.

Подход, оправдывающий ответственность за причинение вреда в ходе конкуренции без вины, в свою очередь, расходится с арбитражной практикой в этой сфере. Так, Федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа, рассмотрев дело о злоупотреблении доминирующим положением на рынке, указал, что суду должны быть представлены "надлежащие (допустимые, относимые и достаточные) доказательства наличия в действиях организации-монополиста *реально-*

¹⁵ Болдинов В.М. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности. СПб., 2002. С. 112. См. об этом также: Дмитриева О.В. Ответственность без вины в гражданском праве: Автореф. дис. ... к.ю.н. СПб., 1996. С. 8.

м), кроме
никакого
к возник-
и причи-
основа-
отиворе-
и попы-
енность
звинов-
создаст
и всем
ститут
и так-
енных
ноше-
ипему
виям.
меча-
м дел
ного
ости
ине
чаев
—
ти-
оч-
об-
ет)
на
че
ие
у.
г-
е
—
1

го намерения (*направленной воли*) на достижение противоправного результата — ущемления интересов контрагента по сделке [потерпевшего]¹⁶. Такая позиция суда, на наш взгляд, плохо согласуется с существованием в конкурентном законодательстве возможности возложения ответственности на участников группы лиц, не имеющих даже субъективного отношения к результатам противоправного поведения соучастников группы, а не то что реального намерения причинить возникший вред.

В примере с братьями у второго брата не было никакого ориентира должного, ожидаемого поведения. Он не принимал на себя никаких рисков, связанных с деятельностью его брата. Даже при самом добросовестном и разумном поведении он не смог бы избежать ответственности за антиконкурентное поведение своего брата-монополиста, если буквально читать закон и использовать институт группы лиц для солидаризации гражданской ответственности за антиконкурентное поведение между всеми участниками группы.

Значительный *риск использования судами указанного формального подхода в применении института группы лиц*, как нам представляется, возникает из практики Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по применению института группы лиц. Так, в пункте 7 Обзора практики разрешения споров, связанных с применением антимонопольного законодательства¹⁷, говорится, что раз “согласно статье 4 Закона о конкурен-

ции его положения, относящиеся к хозяйствующим субъектам, распространяются на группу лиц”, то на основное общество (как участника группы лиц) может быть возложена обязанность по принудительному заключению публичного договора вместо своей “дочки”. Более точная формулировка звучит так: “обеспечить надлежащее поведение контролируемого члена группы и не препятствовать выполнению им указаний антимонопольного органа”. Однако необходимо оговориться, что Закон о конкуренции не знает такой формы антиконкурентного поведения, как необеспечение надлежащего поведения контролируемого члена группы. Но даже если бы такой состав нарушения и можно было вывести путем толкования из положений Закона о конкуренции — в данном-то случае заявитель обращался в антимонопольный орган с требованием заключить договор. В другом деле¹⁸ пострадавший от антиконкурентного поведения прямо обратился в суд с требованием о заключении обязательного для одной из сторон договора не к своему договорному контрагенту, а к его основному обществу. Хотя возложение обязанности заключить договор в отличие от возложения обязанности возместить причиненный вред не является мерой гражданско-правовой ответственности, но для настоящего исследования имеют значение не столько сами по себе решения, принятые по указанным делам, сколько логическая посылка, которую сформулировал Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, основанная на по-

¹⁶ Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.05.04 по делу № Ф08-1973/2004.

¹⁷ См. инф. письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.03.98 № 32.

¹⁸ См. постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.12.02 № 3943/02.

нимании института группы лиц как инструмента, позволяющего распространять положения Закона о конкуренции, "относящиеся к хозяйствующим субъектам", на всех и каждого участника группы лиц, то есть на понимании этого института как инструмента солидаризации обязанностей (и их частной разновидности – деликтной ответственности).

Оценивая эти два дела, нетрудно заметить, что при вынесении решения суд исходил не только из понятия "группа лиц", установленного Законом о конкуренции, но и из наличия возможности у основного общества принять необходимые меры для устранения антиконкурентного поведения контролируемого им лица. Суд указал, что "поскольку основное общество имело возможность принять необходимые меры для устранения нарушения, предписание в его адрес было дано правомерно". Однако Закон о конкуренции не знает такого условия ответственности участника группы, как *возможность контролировать деятельность другого участника*. Понятие группы лиц в Законе о конкуренции сформулировано унитарно. Оно используется только целиком или не используется вовсе. В рамках категории "группа лиц" в законодательстве о защите конкуренции нельзя выделить контролирующих и подчиняющихся субъектов.

На наш взгляд, в Законе о конкуренции должны получить отражение разные категории группы лиц, предназначенные для применения в различных институтах конкурент-

ного права в зависимости от целей использования. При этом особенно должна быть выделена категория группы лиц для возложения ответственности на субъекта, контролирующего деятельность правонарушителя, ведущего себя антиконкурентно. Критерии отнесения к данному виду группы лиц должны быть сформулированы на основе учета отношений контроля между участниками группы в целях выявления контролирующего деятельность группы участника.

Известно, что в законодательстве Европейского Союза о защите конкуренции существуют различные категории, цель применения которых состоит в учете социальных взаимосвязей, существующих между участниками рынка. Каждая из таких правовых конструкций используется в рамках определенного правового института конкурентного законодательства и, соответственно, обладает необходимой спецификой. Это следующие категории:

1) конструкция единого хозяйствующего субъекта (*single economic entity*), используемая для целей применения запретов, установленных статьями 81 и 82 Соглашения о создании Европейского Сообщества¹⁹;

2) институт определения контроля в целях установления факта концентрации (возможной концентрации) на основании Регламента о контроле за экономической концентрацией ЕС (ECMR)²⁰;

3) институт определения контроля в целях подсчета совокупного раз-

¹⁹ В работе использовалась Consolidated Version of the Treaty Establishing the European Community. *Official Journal of the European Communities* C 325/33 [24.12.2002].

²⁰ См. ст. 3(2) Council Regulation (EC) 139/2004 of 20 January 2004 on the control of concentrations between undertakings (EC Merger Regulation); см. также: ст. 3(3) EC Merger Regulation предыдущей редакции – Council Regulation 4064/89 of 21 December 1989; EC Commission's *Notice on the concept of a concentration* (1998) OJ C 66/5, [1998] 4 CMLR 586, разъясняющее текст предыдущей редакции ECMR.

ной оценки контекста их применения. Преодоление данного препятствия должно состоять, как нам представляется, в постепенном и управляемом законодателем и высшими судебными инстанциями уменьшении значимости формальных критериев оценки зависимости и контроля между участниками оборота. Законодателем, в частности, может быть предложено правоприменителю оценить наличие фактических отношений координации деятельности, уже сложившуюся практику взаимодействия компаний в группе с тем, чтобы констатировать наличие или отсутствие реальной автономии в деятельности участников группы. При этом в законе или в нормативном акте антимонопольного ведомства могут быть довольно казуистично (что, как отмечалось, в современных условиях российской правоприменительной практики не является существенным недостатком) сформулированы факторы, которые правоприменитель должен принимать во внимание при оценке фактических отношений. Такого рода инструктивные, методические указания позволят со временем сформировать навыки квалифицированного и единообразного анализа контекста оцениваемых отношений между участниками группы и постепенно сделают возможным расширение степени усмотрения правоприменителей. В любом случае исключительно формализованные критерии оценки наличия отношений зависимости и контроля между участниками группы являются наименее эффективным из всех возможных способов решения задачи выявления приоб-

ретателей выгоды от антиконкурентного поведения причинителей вреда и переложения на них ответственности за вред.

Другой механизм солидаризации ответственности за антиконкурентное поведение предусматривается статьей 1080 ГК РФ, которой установлено, что "лица, совместно причинившие вред, отвечают перед потерпевшим солидарно".

В литературе отмечается, что "вопрос о наличии или отсутствии совместного причинения вреда есть вопрос причинной связи между противоправными вредоносными действиями нескольких лиц и последовавшим за этими действиями вредом"²⁶.

В этом смысле совместное причинение вреда в гражданском праве противопоставляется совместному совершению уголовных преступлений: "...в уголовных правонарушениях совместность раскрывается через субъективный фактор (умысел), а в гражданских правонарушениях – через фактор объективный (причинную связь)"²⁷.

Понятие совместности в причинении вреда раскрывается через характер результата противоправных действий: "Солидарный характер деликтной ответственности лиц, совместно причинивших вред, объясняется неделимостью результата их противоправных действий – причиненного вреда"²⁸.

Российская судебно-арбитражная практика в сфере возмещения вреда в ходе конкуренции идет, в свою очередь, по пути определения совместного характера причиненного вреда *через субъективный фактор*,

²⁶ Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., 1951. С. 154.

²⁷ Мусяка В.Л. Солидарная ответственность за причинение вреда: Автореф. дис. ... к.ю.н. Харьков, 1976. С. 13.

²⁸ Смирнов В.Т., Собчак А.А. Указ. соч. С. 103.

конку-
рителей
ответ-

зации
конку-
рива-
горой
этно
перед

“во-
сов-
во-
оти-
йст-
сле-
ре-

чи-
аве
му
е-
е-
е-
1),
—
4-

4-
-
к
)

а не причинную связь. Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в деле по иску ОАО “АНГК “НефтеГазПоставка” оставил в силе судебные акты, которыми солидарно взыскана компенсация вреда в пользу ОАО “АНГК “НефтеГазПоставка” с ОАО “Газпром”, ООО “Томсктрансгаз” и ОАО “Газсибконтракт”. Причем в действиях ОАО “Газпром” было установлено злоупотребление доминирующим положением на рынке, выразившееся в препятствии в доступе на рынок ОАО “АНГК “НефтеГазПоставка” (абз. пятый п. 1 ст. 5 Закона о конкуренции); в действиях ООО “Томсктрансгаз” – злоупотребление доминирующим положением на рынке, выразившееся в необоснованном отказе в заключении договора с ОАО “АНГК “НефтеГазПоставка” (абз. девятый п. 1 ст. 5 Закона о конкуренции), а ОАО “Газсибконтракт”, как установлено судами, допущена недобросовестная конкуренция, что выражалось в направлении писем в адрес поставщиков, переработчиков и потребителей газа по договорам с ОАО “АНГК “НефтеГазПоставка”, содержащих не соответствующие действительности компрометирующие ОАО “АНГК “НефтеГазПоставка” сведения (абз. второй п. 1 ст. 10 Закона о конкуренции)²⁹. Таким образом, вред, причиненный в ходе конкуренции противоправным поведением различного рода: недобросовестной конкуренцией и антиконкурентным поведением двух видов (препятствование в доступе на рынок и необоснованный отказ от заключения договора), – был признан совместным.

Изначально по данному спору Арбитражный суд города Москвы установил отсутствие причинно-следственной связи между действиями отдельно каждого из причинителей вреда и заявленным размером убытков и указал в решении на различность этих действий по характеру и их направленности³⁰. Судом кассационной инстанции решение было отменено. Критерий, по которому Федеральный арбитражный суд Московского округа признал наличие совместности причиненного указанными лицами вреда, выражен им следующим образом: “Вина ответчиков судом установлена. И в этой связи суд обоснованно пришел к выводу о солидарной ответственности ответчиков”³¹. Высший Арбитражный Суд Российской Федерации с этим выводом согласился. Таким образом, применительно к вреду, причиненному в ходе конкуренции, совместный характер причинения вреда в арбитражной практике определяется через субъективный критерий вины, а не через объективный критерий причинной связи, что не может не вызывать возражений, основанных на указанных выше доктринальных позициях.

В Законе о конкуренции и Законе о конкуренции на финансовых рынках названо несколько видов антиконкурентного поведения, причиненный в результате которых вред является неделимым результатом соответствующих противоправных действий нескольких участников антиконкурентного поведения. В приведенном нами перечне – это составы, указанные под номером 2: согласование деятельности (достиже-

²⁹ См. постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.04.02 № 6695/01.

³⁰ См. решение Арбитражного суда города Москвы от 09.04.01 по делу № А40-7669/01-83-113.

³¹ Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 19.11.01 по делу № КГ-А40/6610-01.

ние соглашения, осуществление согласованных действий), которое имеет или может иметь антиконкурентный эффект (недопущение, ограничение, устранение конкуренции)³², и частично – под номером 5: создание, слияние, присоединение, приобретение прав участия в юридическом лице, приобретение иного имущества (активов финансовой организации, основных производственных средств или нематериальных активов другого хозяйствующего субъекта), которое имеет или может иметь антиконкурентный эффект³³, – в части слияния и совместного создания.

Указанные антиконкурентные действия нескольких лиц по определению имеют единый эффект, искажающий конкурентные условия рынка. Причем приводят к такому эффекту именно совместные действия в объективном смысле. Взыскание с правонарушителей в перечисленных случаях вреда в солидарном порядке мы считаем правомерным.

Кроме того, важно иметь в виду, что в рамках механизма совместного причинения вреда можно солидаризировать ответственность за антиконкурентный эффект от неизвестной российскому законодательству, но запрещенной в зарубежных правовых порядках так называемой параллельной антиконкурентной практики (*parallel practice*), а также

от родственного с ней явления – злоупотребления совместным доминированием (*abuse of joint dominance*). Интересно отметить, что в российской судебной практике уже есть дела о возложении ответственности за параллельную антиконкурентную практику, правда, решаемые без надлежащей основы на нормах Закона о конкуренции³⁴. Но это лишний раз подтверждает необходимость четкого законодательного закрепления запретов видов антиконкурентного поведения и параллельной антиконкурентной практики на олигопольных рынках, в том числе³⁵.

Рассмотренные проблемы квалификации таких условий ответственности за антиконкурентное поведение, как причинная связь между противоправным поведением и причиненным вредом, вина, а также тесно связанные с ними проблемы четкого выявления субъекта ответственности не позволяют в настоящий момент говорить о сложившемся механизме деликтной ответственности за противоправное поведение в ходе конкуренции. В ряде случаев законодатель, позволяя использовать для возложения ответственности конструкцию группы лиц конкурентного законодательства, создает риски возложения ответственности за вред, причиненный в ходе конкуренции,

³² Статья 6 Закона о конкуренции, статьи 6–10 Закона о конкуренции на финансовых рынках.

³³ Статьи 17, 18 Закона о конкуренции, статьи 11, 16 Закона о конкуренции на финансовых рынках.

³⁴ См. об этом: *Басин Ю.Г., Диденко А.Г.* Ответственность предпринимателей за согласованные действия, ограничивающие конкуренцию // В кн.: *Басин Ю.Г.* Избранные труды по гражданскому праву. СПб., 2003. С. 405–417.

³⁵ В проекте закона о защите конкуренции, который готовится Правительством Российской Федерации, устанавливается запрет на злоупотребление совместным доминирующим положением, а также на параллельную антиконкурентную практику на олигопольном рынке. Проект в настоящее время официально не опубликован и не имеет окончательной редакции. Автором использовался вариант, внесенный на рассмотрение Правительства Российской Федерации, размещенный на сайте федерального антимонопольного ведомства: <http://www.fas.gov.ru/competition/443.shtml>.

без вины и даже на лицо, не причинившее вреда.

Нам представляется, что развитие российского права в части конкретизации условий возмещения вреда, причиненного в ходе конкуренции, является весьма востребованным³⁶, однако сложным процессом.

Заключение

Понимание того, что концепция свободы экономической конкуренции, включая элементы ее развития (запрет недобросовестной конкуренции и антиконкурентного поведения), является заимствованной российским правовым порядком, определяет характер исследования связанной с данным заимствованием проблематики. Особое значение приобретает сравнительный анализ релевантных положений развитых правовых порядков европоцентричной цивилизации и соответствующей правовой доктрины.

Российское законодательство о конкуренции построено исходя из преимущественного значения механизма публично-правовой защиты конкуренции, ключевым элементом которого являются решения антимонопольного органа и инициируемые им судебные разбирательства. Следует сразу оговориться, что в док-

трине существует позиция, согласно которой "антимонопольные органы и органы регулирования естественных монополий наряду с защитой публичных интересов защищают нарушенные или оспариваемые гражданские права предпринимателей и иных участников рынка", так как, по мнению авторов этой точки зрения, многие из мер воздействия, применяемых указанными государственными органами согласно статье 12 ГК РФ, "являются одновременно средствами защиты нарушенных или оспариваемых гражданских прав"³⁷.

Мы, в свою очередь, придерживаемся иной позиции, основанной на распространенном в российской науке подходе, согласно которому "система принудительных мер в гражданском праве испытывает на себе влияние такой черты гражданско-правового метода, как правовая диспозитивность. В сфере применения принудительных мер принадлежащая участникам гражданских правоотношений правовая свобода проявляется, во-первых, в том, что потерпевшее лицо распоряжается самостоятельно своим правом на защиту, а может и отказаться от применения принудительных мер, поскольку они представляют собой меры защиты его прав и интересов"³⁸.

³⁶ С.Б. Авдашева по результатам проведенного исследования спроса российских фирм на антимонопольное регулирование отмечает: "Таким образом, результаты интервьюирования хозяйствующих субъектов приводят к выводу о том, что спрос на антимонопольное регулирование ограничивается, скорее всего, именно низкими ожидаемыми выгодами его использования" (Авдашева С.Б. Спрос на антимонопольное регулирование со стороны российских фирм и домохозяйств // Информационно-аналитический бюллетень Бюро экономического анализа. 2004. № 53. С. 14).

³⁷ Конкурентное право Российской Федерации: Учеб. пособие для вузов / Под ред. Н.И. Клейн, Н.Е. Фонаревой. М., 1999. С. 229. (Автор цит. параграфа – Н.И. Клейн). В том же смысле высказывается и А.Н. Варламова: "Согласно российскому законодательству ряд гражданско-правовых санкций, а именно запрет на осуществление тех или иных действий и решения об осуществлении определенных действий, налагаются в административной процедуре, которая является основным средством реагирования на нарушение конкурентного законодательства" (Варламова А.Н. Правовое регулирование конкуренции в России. М.: ЮрИнфоР, 2000. С. 163–164).

³⁸ Яковлев В.Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики). М., 2000. С. 64.

Необходимо отметить, что в отличие от процессуальных институтов защиты прав определенных категорий лиц публичными органами (например, института прокурорской защиты, осуществляемой путем обращения прокурора в суд в интересах частного лица) российским антимонопольным законодательством предусматривается, что антимонопольный орган выступает не в интересах заявителя, он лишь основывается на его заявлении при возбуждении административной процедуры по применению мер воздействия к нарушителю антимонопольного законодательства³⁹.

На наш взгляд, отношения по защите конкуренции административными органами государства являются элементом публично-правового механизма регулирования общественных отношений, который не согласуется в должной мере с основной социальной ценностью, выраженной в праве защиты конкуренции, – свободой экономического соперничества самостоятельных участников оборота. В этом смысле мы согласны с В.И. Еременко, отмечая, что "с учетом того факта, что основанием для возбуждения и рассмотрения дел о нарушении антимонопольного законодательст-

ва может быть инициатива антимонопольного органа (ст. 27 Закона о конкуренции), вырисовывается довольно зловещая картина возможного вмешательства административных органов в сферу частных интересов хозяйствующих субъектов"⁴⁰.

Очевидно, что, если исходить из тезиса, что "принципами частного права, наряду с другими, являются диспозитивность правового порядка, свобода договора, полное возмещение неправомерно причиненного вреда, восстанавливаемость нарушенного положения"⁴¹, то роль административных органов государства в механизме защиты конкуренции на рынке не должна быть столь инициативной, наоборот – правопорядок должен создать все условия для того, чтобы участники оборота могли эффективно самостоятельно реагировать на запрещенное правом поведение других участников конкуренции.

Развитие частноправового механизма защиты конкуренции является общей тенденцией европоцентричных цивилизаций. Механизм частноправовой защиты интересов лиц, терпящих убытки в результате антиконкурентного поведения, есть во всех странах – участницах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)⁴².

³⁹ См. пункт 2 статьи 23 Закона о конкуренции; см. также пункт 17 Обзора практики разрешения споров, связанных с применением антимонопольного законодательства (инф. письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.03.98 № 32). Следует также отличать российский механизм административного применения конкурентного законодательства от тех моделей, распространенных, например, в Германии, которые позволяют выступать в судебном процессе антимонопольному органу в интересах анонимного заявителя (имя которого не раскрывается в целях безопасности), так как в последнем случае пусть анонимно, но именно заявителя связывает материальное правоотношение с правонарушителем, именно заявителю причитается компенсация, именно его права защищаются судебным решением (пар. 54, 59, 70(4) Закона Германии о недопущении ограничения конкуренции (Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen)).

⁴⁰ Еременко В.И. Новая редакция Закона о конкуренции: достижения и просчеты // Законодательство и экономика. 2003. № 2. (Использован текст статьи, размещенный в СПС "КонсультантПлюс".)

⁴¹ Алексеев С.С. Гражданское законодательство демократической России как выражение идеалов и принципов частного права // Международная научно-практическая конференция "Гражданское законодательство РФ". М., 1994. С. 15.

⁴² См. пункт 3 Доклада Объединенной группы по торговле и конкуренции ОЭСР (Joint Group on Trade and Competition OECD) "Remedies available to private parties under Competition Law" (доступно по адресу: [http://www.oelis.oecd.org/olis/2000doc.nsf/LinkTo/COM-DAFFE-CLP-TD\(2000\)24-FINAL](http://www.oelis.oecd.org/olis/2000doc.nsf/LinkTo/COM-DAFFE-CLP-TD(2000)24-FINAL)).

В США основным инструментом принудительной реализации конкурентной политики являются именно иски частных лиц о возмещении вреда, причиненного антиконкурентным поведением⁴³.

В Великобритании в настоящее время происходит процесс выстраивания эффективного частного правового механизма обеспечения конкуренции. При принятии в 1998 году нового английского закона о конкуренции (Competition Act 1998) Правительство Королевства рассматривало иски частных лиц как важное средство обеспечения исполнения запретов конкурентного законодательства и защиты интересов лиц, пострадавших от антиконкурентного поведения⁴⁴.

Взыскание убытков, причиненных антиконкурентным поведением, является традиционным в национальном праве Германии. Параграфом 33 Немецкого закона о недопущении ограничения конкуренции (Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen) установлено, что, если лицо, нарушившее положения указанного закона, действовало намеренно или небрежно, оно должно отвечать за убытки, причиненные таким на-

рушением. Нормы коммунитарного конкурентного права имплементированы в немецкое право и применяются судами так же, как и нормы национального права. Это правило касается и норм гражданско-правовой ответственности за антиконкурентное поведение⁴⁵.

В Европейском Сообществе в настоящее время осуществляется значительная реформа механизма защиты соблюдения участниками оборота предписаний статей 81 и 82 Соглашения о ЕС. Принятый 16 декабря 2002 г. Советом ЕС Регламент 1/2003⁴⁶, который пришел на смену действовавшему с 1962 года Регламенту 17/62⁴⁷, и вступил в силу 1 мая 2004 г., существенно расширил возможности частноправовой защиты интересов участников оборота от антиконкурентного поведения⁴⁸. Как отмечает Р. Виш, "Комиссия ЕС уже давно пытается стимулировать более частое прямое применение статей 81 и 82 Соглашения о ЕС национальными судебными органами, для чего сокращает имеющиеся трудности в применении этих норм"⁴⁹, присуждение национальными судами компенсации вреда, причиненного поведением, нарушаю-

⁴³ Около 90 процентов дел, связанных с нарушением конкурентного законодательства, в США инициировано частными лицами (см.: *Jones C. Private Enforcement of Antitrust Law in EU, UK and USA.* Oxford University Press, 1999. P. 79).

⁴⁴ См.: *Furse M. Competition Law of the EC and UK.* 4th ed. Oxford University Press, 2004. P. 119–120.

⁴⁵ *Canenbley C., Klingbeil F. T. Germany in The Application of Articles 85 & 86 of The EC Treaty by National Courts in the Member States.* P. 5, 8, 9 (доступно на веб-сайте Европейской Комиссии).

⁴⁶ Council Regulation (EC) No. 1/2003 of 16 December 2002 on the implementation of the rules on competition laid down in Articles 81 and 82 of the Treaty // Official Journal of the European Communities (hereafter OJ) L 1, 04.01.2003. P. 1–25.

⁴⁷ Council Regulation (EEC) No. 17/62 of 6 February 1962: First Regulation implementing Articles 85 and 86 (now 81 and 82) of the Treaty // OJ 013, 21.02.1962. P. 204–211.

⁴⁸ Прежде всего речь идет о предоставлении этим Регламентом возможности судам стран – участниц ЕС напрямую применять положения части 3 статьи 81 Соглашения о создании ЕС, устанавливающей допустимые изъятия из запрета на заключение соглашений и осуществление согласованного поведения, ограничивающих конкуренцию на общем рынке. Новый Регламент лишь устанавливает критерии указанных изъятий, "пуская" конкретные правоприменительные решения с уровня Комиссии ЕС и, соответственно, судов ЕС на уровень национальных судебных органов. Более подробно о сути реформы механизма правоприменения конкурентного права ЕС см.: White Paper on Modernisation OJ 1999 C 132/1; the Commission's XXXth Report on Competition Policy (2000), points 37–67.

⁴⁹ *Whish R. Op. cit.* P. 259.

щим положения коммунитарного конкурентного права, является уже нередким явлением, однако целый ряд правовых проблем в этой сфере остается нерешенным: например, не в полной мере согласуются между собой конструкции деликтных обязательств, используемые в национальных правовых порядках, и конструкции составов антиконкурентного поведения в коммунитарном праве⁵⁰.

Учитывая, что Европейский Суд Справедливости (высший судебный орган ЕС) в ряде своих решений (основываясь на статье 6 Соглашения о ЕС) вывел принцип недискриминации, или "равного отношения"⁵¹, предполагающий, что те положения коммунитарного права, которые имеют прямое действие, должны быть обеспечены механизмами государственного принуждения на равных с положениями национального права (что, в частности, означает: если национальное право предполагает возмещение вреда, причиненного антиконкурентным поведением, то и положения коммунитарного права также должны быть обеспечены возможностью такого возмещения), модернизация национального деликтного права стран – участниц ЕС в целях его адаптации для эффективного применения норм коммунитарного права будет неизбежна⁵².

Важное значение для европейской унификации правил частноправовой защиты конкуренции имеет утвержденное Европейской комиссией Руководство по взаимодей-

вию между Комиссией и внутринациональными судами стран – участниц Союза при применении статей 81 и 82 Соглашения о ЕС⁵³. Статья 10 данного Руководства гласит: "(а) При нарушении норм права Сообщества суды стран-участниц должны обеспечить применение санкций, которые должны быть эффективны, соразмерны и стимулировать правомерное поведение. (b) В случае, если нарушение норм права Сообщества причинило вред частному лицу, последнее имеет право при определенных условиях потребовать присуждения ему внутринациональным судом компенсации. (c) Процессуальные правила и санкции, которые применяют внутринациональные суды, не должны быть чрезмерно затруднительными в применении или практически неприменимыми (принцип эффективности) и также не должны быть менее благоприятными для пострадавшего лица, чем аналогичные институты национального права (принцип тождественности)".

"Принципы противоправного причинения вреда и неосновательного [unjustly] обогащения, – пишет Дж. Самуэл, – при определенном уровне абстракции, работают как нормативные основания возникновения долговых обязательств во всем Европейском Союзе"⁵⁴.

Нам представляется, что сформулированный К. Цвайгертом и Х. Кетцом тезис о том, что "если абстрагироваться от исторических

⁵⁰ *Whish R.* Op. cit. P. 280–281.

⁵¹ См., напр.: Case 158/80 *REWE v Hauptzollamt Kiel* [1981] ECR 1805, [1982] 1 CMLR 449, para 44; Case 199/82 *Amministrazione delle Finanze dello Stato v San Giorgio* [1983] ECR 3595, [1985] 2 CMLR 95.

⁵² Кроме того, необходимо отметить, что статья 3 (подпар. "Н") Соглашения о ЕС устанавливает в качестве одного из основных средств для достижения целей Сообщества сближение законодательства (the approximation of laws) стран – участниц Сообщества.

⁵³ Commission Notice on the co-operation between the Commission and the courts of the EU Member States in the application of Articles 81 and 82 EC (2004/C 101/04) // Official Journal of the European Union C 101, 27.04.2004.

⁵⁴ *Samuel G.* Law of Obligations and Legal Remedies. Cavendish Publishing, 2001. P. 524.

аспектов деликтного права и вернуться к практике его применения, то довольно скоро выяснится, что, несмотря на доктринальные различия, во всех правовых порядках закономерности общественной жизни классифицируются на одинаковые группы и типы правоотношений. И хотя с точки зрения систематики права им отводится разное место в разных правовых порядках и не везде смысл их регулирования совпадает, суть возникающих в этой связи проблем везде воспринимается одинаково. Это хорошо иллюстрируют примеры преднамеренного ущерба в сфере конкуренции⁵⁵.

Под влиянием новых тенденций в изменении европейского конкурентного права, касающихся повышения роли частноправового механизма обеспечения соблюдения конкурентного законодательства ЕС в странах Европейского Союза, национальные правовые системы еще более должны сблизиться в сфере нормирования оснований и условий применения деликтной ответственности за вред, причиненный в ходе конкуренции.

Российский правовой порядок не должен оказаться вне этой тенденции. По этой причине адекватное развитие институтов деликтной ответственности за вред, причиненный в ходе конкуренции, является актуальной задачей для российской правовой доктрины.

В получившем заслуженное признание учебнике по праву конкуренции

ЕС Д.Г. Гоудер отмечает, что "опыт работы правоприменительных органов как Сообщества, так и других юрисдикций показывает, что эффективная политика по защите конкуренции зависит от трех факторов. Необходимо, чтобы были приняты соответствующие нормы материального права – основные правила, которые необходимо будет применять. Второй элемент – это утверждение процедур, позволяющих получать в каждом деле необходимые сведения, на основании которых надлежащим образом обоснованное применение указанных правовых норм должно быть осуществлено. Третий элемент – это поддержка и развитие институтов, позволяющих обеспечивать справедливую и эффективную защиту указанных норм материального права от нарушений"⁵⁶.

Как видно из проведенного в настоящей статье анализа, механизм частноправовой защиты прав предпринимателей на экономическую деятельность в условиях честной конкуренции, будучи новым и плохо урегулированным институтом российского законодательства о защите конкуренции, недостаточно отвечает указанным требованиям. В России институт деликтной ответственности долгое время практически не работал на нужды экономического оборота⁵⁷, поэтому проблема возмещения вреда в ходе экономического соперничества является по большей части сферой перспективного регулирования рыночных отношений.

А.Ю. ИВАНОВ

⁵⁵ Цвайгерт К., Кетц Х. Указ. соч. С. 396.

⁵⁶ Gouder D.G. EC Competition Law. 4th ed. Oxford University Press, 2003. P. 14–15.

⁵⁷ Симптоматично звучит в этом смысле высказывание А.А. Собчака и В.Т. Смирнова: "Конечно, в экономическом отношении государство (собственник) ничего не получает и ничего не теряет от того, на счет какой организации будут отнесены убытки" (Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве: Учеб. пособие. Л., 1983. С. 12).

Журнал "Вестник Высшего Арбитражного Суда
Российской Федерации" выходит 6 раз в полугодие,
подписной индекс 70040 в каталоге Агентства "Роспечать".

"Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации" зарегистрирован
в Министерстве печати и информации Российской Федерации 6 января 1993 г. Рег. № 011005.

Учредитель – Высший Арбитражный Суд Российской Федерации.
Издатель – © Общество с ограниченной ответственностью "ЮРИТ-Вестник", 2006.
101000, Москва, Малый Харитоньевский пер., д. 12.

Банковские реквизиты:

Получатель – ООО "ЮРИТ-Вестник", ИНН 7701044217, КПП 770101001
р/с 40702810200021019566, ОАО "БАНК УРАЛСИБ", г. Москва,
к/с 30101810100000000787, БИК 044525787
или
р/с 40702810138070103466, Стромьинское ОСБ № 5281, Сбербанк России,
г. Москва, к/с 30101810400000000225, БИК 044525225.

Подписано в печать 22.02.06. Формат 70x108^{1/8}. Объем 14 п. л.
Заказ № 60333. Тираж 17 350 экз.
Цена в розницу договорная.

Отпечатано в ООО "ИД "Медиа-Пресса".
127137, Москва, ул. Правды, д. 24, стр. 1.
При обнаружении полиграфического брака обращаться по телефону: 257 4103.